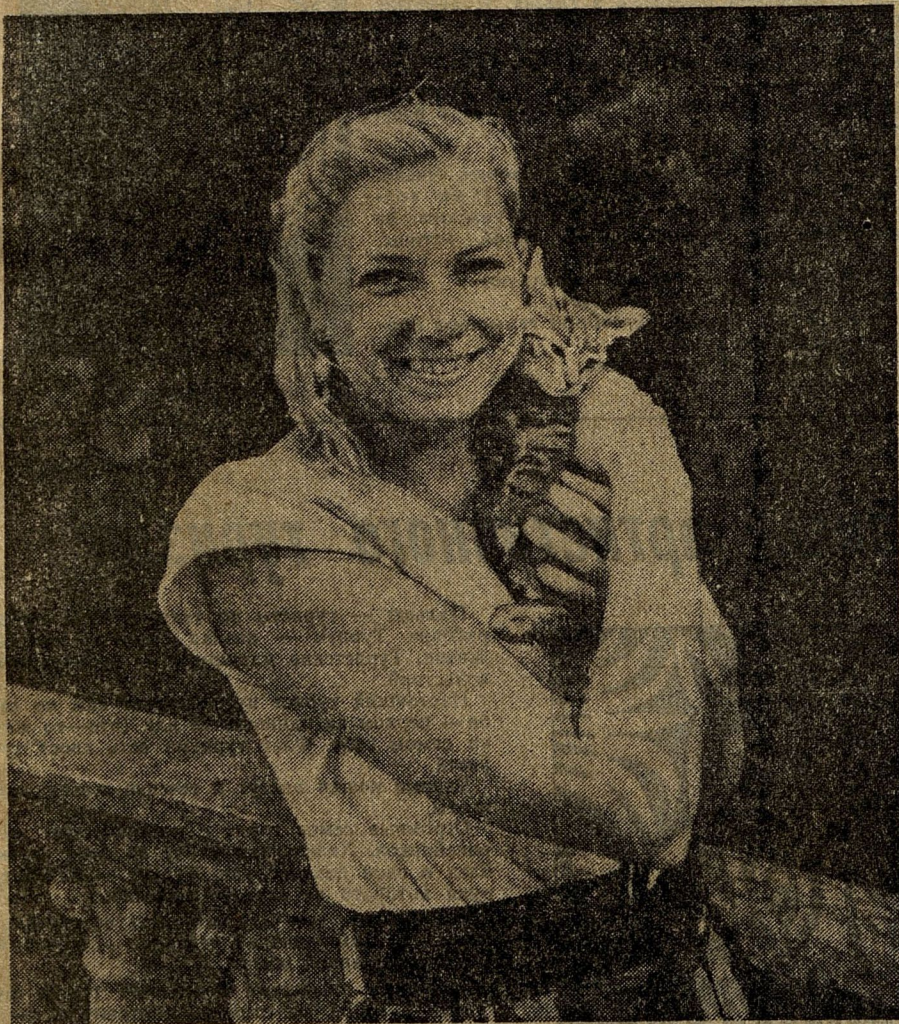

мечта. Санкт-Петербург. 1992. 5 февр. с. 7

ЛЕГКОЕ ДЫХАНИЕ

Актриса, «Звезда Эроса» Наташа Захарова: слово о Любви

БЫЛ ОСЕННИЙ Крым, глухо шумело эктябрьское море, и под этот тревожный аккомпанемент актриса читала людям Бунину: «...В четырнадцать лет у нее, при тонкой талии и стройных ножках, уже хорошо обрисовывались груди и все те формы, очарование которых еще никогда не выразило человеческое слово...». Мы вместе отдыхали в Доме творчества, каждый день встречались на пляже, я уже знал, что светлоокая Наташа — из МХАТа, что только-только со съемок, приехала сюда чуть передохнуть перед началом театрального сезона, и вот сейчас впервые видел ее в концертном платье, слушал вместе со всеми, собравшимися перед открытой эстрадой, грустную историю красавицы Ольги Мещерской — и свою пляжную собеседницу открывал для себя как бы заново. Вокруг, по всей Ялте, пестрели афиши, приглашавшие то на один рок-ансамбль, то на другой; добрая сотня видеосалонов зазывала на «порнуху» и «чернуху», и в этом буйном окружении, среди всех этих, ныне модных муз-воплей и видео-стонов, как бы приглушив их, скромно стояла на сцене милая Наташа, Наташа Захарова, и вместе с Буниным возвращала нас от всего сиюминутного, мелочного, жлобского — к воистину главному, светлому, вечному... А потом еще читала она Тургенева, Чехова, Булгакова, Пастернака, Ахматову:

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу...

И все они — и Оленька Мещерская, и тургеневская Джемма, и чеховская Наталья Михайловна (помните рассказ «Длинный язык»), и булгаковская Маргарита, и пастернаковская Лара («Сними ладонь с моей груди, мы проводим под дождем. Друг к другу вновь, того

гляди, нас бросит ненароком») — все вместе в долгом, но и словно бы мгновенно выдохнутом монологе стали для актрисы одной истовой исповедью Любви...

А НАУТРО у моря я все спрашивал, спрашивал Наташу, как в наше, такое прозаическое, такое суровое время отважилась на подобную исповедь. Она тихо отвечала, что человек должен жить в гармонии с самим собой, что недаром же древние греки одинаково высоко ценили красоту и тела, и души... И вспомнила, как однажды пришла на одну фабрику, в клуб, куда после работы сигналы усталых женщин. Смотрит на них Наташа и в глазах каждой читает: «Ну что, артистка, вырядилась, выпендрилась? А вот мне о нарядах и подумать некогда. Сейчас послушаю твою «ла-ла-ла», потом бегом — в детский сад, затем — по пустым магазинам, дальше — ужин из чего-то сготовить, стиркой заняться...» Начала Наташа свое повествование про Санину и про Джемму, а в мозгу одна мысль: «Да на черта им все эти «Вешние воды»! И вдруг, когда глава подошла к концу, одна работница в звенящей тишине вздохнула: «Как же красиво Тургенев писал о любви... Такой любви сейчас уж не-е-ет...». А в другой раз пэтэушники просили: «Наталия Вячеславовна, пожалуйста, еще что-нибудь про любовь...»

Почему пошла в актрисы? Улыбается: «Видно, так уж расположились мои звезды...». После школы прикатила из Кишинева на неские берега и экзамены в здешний театральный сдавала вполне прилично, однако на последний опоздала с киносъемкой (режиссер мюзикла «За лесами, за горами» симпатичную абитуриентку заприметил миглом), и экзаменаторы были ну просто очень возмущены: «Еще не поступила, а уже снимается?! Пусть выбирает что-либо одно!». Она выбрала съемки. А через год оказалась в Щукинском. После училища в рижском ТЮЗе за короткий срок переиграла все главные женские роли — от Варвары в «Бумбараше» до Сони в «Дяде Ване». Потом вернулась в Москву, и Доронина пригласила ее в «свой» МХАТ. Репетировали «Окаянные дни». Наташа бы-

ла счастлива, что выпало ей играть Веру Николаевну Муромцеву, жену Ивана Алексеевича Бунина. Но, увы, из-за каприза Дорониной репетиции вдруг прекратились, мечта осталась лишь мечтой...

Чтобы с Буниным не расставаться, Наташа давным-давно любимый его рассказ «Легкое дыхание» стала читать с эстрады... Как-то на концерт пришел Юрский. После заглянул за кулисы: «Я вас благословляю!» В ее программе появлялись все новые имена. Удачно выступила на пушкинском конкурсе чтецов. На всероссийском пастернаковском стала первой!

МЫ СИДЕЛИ у моря, и Наташа снова и снова обращалась к Бунину:

— Помните, Оля Мещерская рассказывает своей подруге, что в одной папиной книге прочитала, «какая красота должна быть у женщины». Она перечисляет: и «черные, кипящие смолой глаза», и «черные, как ночь, ресницы», и «нежно играющий румянец», и «тонкий стан», и «колеса цвета раковины»... А дальше: «...Но главное, знаешь ли что? — Легкое дыхание! А ведь оно у меня есть — ты послушай, как я вдыхаю, — ведь правда, есть?..»

Наташа притихла, а потом: — Какая умница Иван Алексеевич! Легкое дыхание — по-моему, это в женщине главное...

А ЕЩЕ есть у нее звание — «Звезда Эроса»... Года три назад проводили в Сочи такой необычный для нашего отечества фестиваль, и Наташу его организаторы сначала пригласили, чтоб «озвучила» разные эротические стихи, которые должны были звучать через радиодинамики. Потом уговорили принять участие в действе «живьем». Прикрытая легкой туникой, она читала клятву Лисистраты: «Не подыму я ног до потолка, не встану львицею на четвереньках и в подтверждение пью из этой чаши...». Мужчины, участники фестиваля, вздыхали: «Наташа, мы же хотели поухаживать, а ты сразу вот так, наотмашь...»

Улыбается: — Конечно, между Буниным и Эросом связь прямая: достаточно почи-

тать хотя бы его «Темные аллеи» — и ведь это сотворено Иваном Алексеевичем в семьдесят лет! Какая божественная гармония любви и чувственности... А Пастернак, который на склонах дней своих мог писать такое: «...Мы сядем в час и встанем в третьем, я с книгой, ты с вышиваньем, и на рассвете не заметим, как целоваться перестанем...»

Концерты, спектакли, фильмы... Недавно со Смоктуновским снялась в итальянской ленте «Осада Венеции». Затем с Любиным — в картине «Женщина в море». Группа квартировала в Пицунде. Девятнадцатого августа услышала радио — и в каком-то шоке, столбняке спустилась к морю. На сердце — ужас: «Что теперь будет? Как жить?!». Постояла. Посмотрела вокруг: а ведь этому морю, этим скалам, этим горам, этому небу абсолютно начхать на всех путчиков, на всю эту «злобу дня». Как там у Пушкина: «...И равнодушная природа краскою вечною сияет». И сказала себе: «Буду, как эта гора — спокойной и невозмутимой. Потому что политика, суета наших дней — все это преходяще, а есть вещи более ценные, вечные, и надо стремиться хоть в какой-то мере постичь их, проникнуться их величием...»

КАК РЫБА жабрами вбирает воду, так она старается вобрать в себя жизнь — со всеми впечатлениями, ощущениями, деталями... Каждый день хоть что-нибудь да пометит в дневнике. Оператор на съемках иронизировал: «Товарищи! Внимание! Наташа сегодня опять идет смотреть заход солнца! Не будем ей мешать! А я этот заход солнца уже снимал сто тысяч раз, я его не-на-ви-жу...». Наташе оператор откровенно жаль. Каждый раз после ужина бежала на берег, садилась, смотрела... «Утомленное солнце нежно с морем прощалось...»

— Наташа, обидно: тут, в Ялте, твоё окно глядит как раз в море, а солнце, садится, увы, за гору...

— Зато ка-а-кой восход!..

Лев СИДОРОВСКИЙ.

Фото автора